

родской и сельской культур: ср. литер. *топорная работа* ‘грубая’ и алт. *напопорить* ‘разукрасить’ [СРГА]. Из этого следует наложение культурно-исторических ограничений на семантические параллели.

4. Необходима известная доля критичности в обращении к материалам диалектных словарей. Не говоря здесь об ошибочных записях форм, следует априори допускать условность определения, распределения и характеристики значений многозначного слова: селигер. *дорывать*, истолкованное как ‘заканчивать тушить’ [Селигер], судя по контексту (*Музей сгорел, дорывали уже утром*) и практике пожаротушения, обозначает собственно действие растаскивания, *р а з р ы в а н и я* остатков сгоревшей постройки; новг. *пово́ный* ‘уступчивый, сговорчивый, покладистый; *п е р е н о с н. пологий*’ [НОС] является производным от *водить* – **поводный* с *п е р в и ч н ы м* значением ‘пологий’; новг. *окинуть* ‘облентиться’ [НОС] в контексте *Лень ленью, а окить окитью; окинувшие, ничего не хочет делать*, при учете приведенного там же новг. *окинуться* ‘одеться’, скорее значит ‘(раз)одеться’ и является вариантом того же *окинуться*. Соответственно для этимологии необходимо возможно больше контексты.

5. Заслуживает внимания активный процесс вхождения диалектной лексики (и ее моделей) в просторечие и жаргоны: таково происхождение жарг. и просторечн. *сечь* ‘понимать’ (в конечном счете – к и.е. **sekʰ-* ‘следовать’); сибир. *кеплый* экспр. ‘очень старый, дряхлый’ [СРГС] может объяснить просторечн. *теплый, тепленький* ‘пьяный’; ворон. *косить* ‘брить, стричь наголо’ [СРНГ] (при литер. *стричь под горшок, стричь под одну гребенку*) моделировало жарг. *косить под кого-л.*; селигер. *мерзúлька* ‘мерная стопка’ [Селигер] (народная этимология – из *мензурка*) объясняет просторечн. и жарг. *мерзавчик* ‘маленькая бутылочка водки’.

Е. Н. Варникова

Вологда

К вопросу об ономастическом статусе зоонима

Являясь периферийным классом собственных имен, зоонимия оказалась и на периферии внимания ономастов: в сравнении с другими ономастическими классами она изучена сравнительно мало. Не собран и поэтому не исследован в должной мере сам зоонимический материал, и как следствие этого – не определен видовой состав русских зоонимов, не установлена их семантическая, системно-структурная и функциональная специфика, не изучена литературная зоонимия, не разработана зоонимическая терминология.

Специальных исследований по зоонимике в настоящее время очень немного. В известных нам работах рассматриваются либо клички разных видов животных (П. Т. Поротников, А. А. Смирнов, В. М. Мокшенок и О. И. Фоянкова, Н. Г. Рядченко), либо – реже – клички отдельных видов животных: охотничьих собак (Н. Г. Дубова), лошадей (Т. П. Романова). Как правило, зоонимы анализируются в ономастическом

или лексико-семантическом аспектах, отмечаются их грамматические особенности. Общие вопросы зоонимики затрагиваются в исследованиях А. В. Суперанской, В. И. Супруна, Н. Г. Рядченко, М. В. Голомидовой, Т. П. Романовой.

Интересным представляется анализ зоонимов с позиций ядерно-периферийных отношений в ономастическом поле, предложенный в докторской диссертации В. И. Супруна. По мнению автора, ядром русской онимии являются антропонимы. В сопоставлении с ними определяется онимичность других единиц. Зоонимы квалифицируются как антропонимоподобный разряд, занимающий наряду с мифонимами, теонимами и др. околоядерное пространство.

В настоящем сообщении определяются некоторые интегральные и дифференциальные свойства антропонимов и зоонимов. При этом используются материалы и результаты ранее названных исследований, а также клички коров, собранные нами и под нашим руководством на территории ряда районов Ярославской и Вологодской областей (более 3 000 единиц). К анализу привлекаются также клички лошадей Вологодского конного завода (около 700 единиц).

Близость зоонимов к антропонимам определяется по ряду показателей.

1. Как и антропонимы, зоонимы обозначают живые существа в их индивидуальности и являются одушевленными существительными (в отличие от других разрядов онома). Антропонимы служат для обозначения лиц, зоонимы – для обозначения животных. У тех и других отмечается семантический компонент пола: у антропонимов это значения мужского и женского пола, у зоонимов – значения ‘самец’ – ‘самка’. Поэтому зоонимы, как и антропонимы, всегда маркированы по роду. При этом в антропонимии женские имена часто образуются на базе мужских (*Александр – Александра*), сходные явления отмечаются и в зоонимии (*Орфей – Орфея*).

2. В процессе лексико-семантического анализа мотивированных зоонимов устанавливается почти буквальное сходство их с нехристианскими русскими именами и современными прозвищами. Впервые на этот факт обратил внимание автор статьи «Из зоонимии Горьковской области» А. А. Смирнов. При рассмотрении зоонимов исследователь воспользовался классификацией древнерусских антропонимов А. М. Селищева и обнаружил точное совпадение выделенных групп. Выводы А. А. Смирнова полностью подтверждаются и на нашем материале. При наличии сходства в группировках производящих для антропонимов и зоонимов отмечается более широкое взаимодействие последних с апеллятивной лексикой. В ряде случаев, очевидно при недостатке производящих, создаются искусственные зоонимы: *Гивса* (от *Гаскони* и *Сервиза*), *Реан* (от *Робости* и *Папируса*). Подобная номинация антропонимии не свойственна.

3. Сближаются эти разряды и в функциональном отношении. Как и антропонимам, зоонимам свойственны все основные функции имен собственных: номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая и др. В повседневной речи зоонимы обычно выполняют вокативную функцию. При выполнении этой функции зоонимы, как правило, повторяются, уподобляясь подзывным словам: *Васька-Васька-Васька* и *кс-кс-кс*, *Семка-Семка-Семка* и *серы-серы-серы*, *били-били-били*, *чиги-чиги-чиги* и пр. Повторение антропонимов в вокативных предложениях возможно лишь в ситуации эмфазы.

4. По-видимому, под воздействием функциональной схожести зоонимы ведут себя по образу и подобию антропонимов. Возможно, этим отчасти объясняется, во-первых, массовое проникновение антропонимов в зоонимию. Во-вторых, как и антропонимы, зоонимы образуют гипокористические формы, которые функционируют наряду с официальными, «паспортными» именами. Однако по составу и количеству звательных форм зоонимы значительно уступают антропонимам. В-третьих, в сфере зоонимов (чаще иппонимов), как и среди антропонимов, употребляются прозвища.

5. По структуре антропонимы и зоонимы различны. Личные именованья трехкомпонентны, состоят из имен, отчеств и фамилий. Клички животных, как правило, однословны. Но и в структурном отношении зоонимы могут сближаться с антропонимами: *Михайло Потапыч, Лиса Патрикеевна, Хина Марковна, Бром Исаевич* и под. Однако такие образования имеют специфическую коннотацию: если имена людей, употребленные с отчествами, имеют оттенок уважительности, то клички животных, сопровождаемые «отчествами», обретают оттенки ироничности и шутовности.

6. По грамматической форме имена людей являются существительными, среди зоонимов нередко встречаются субстантивированные прилагательные: *Верный, Быстрая, Веселая* и др. По мнению Н. Г. Рядченко, это одно из существенных отличий современных зоонимов от антропонимов. С этим утверждением трудно не согласиться. Однако важно помнить, что в древнерусской антропонимии структуры типа *Смирной, Грязной, Веселой* были весьма обычны. Кроме того, они встречаются и в современных прозвищах: *Серый, Жирный* и т. п.

7. В словообразовательном отношении зоонимы, как и все она (и антропонимы в их числе), вторичны, образованы на базе апеллятивной лексики. Поэтому ведущим способом зоонимообразования является лексико-семантический, представляющий собой ономатизацию апеллятивов и трансонимизацию. Особенности словообразования отдельных видов зоонимов изучены недостаточно. В частности, в киномимии отмечается морфолого-синтаксическое отглагольное словообразование существительных (*Догоняй, Хватай, Карай*), в иппонимии – субстантивация прилагательных и т. д. Возникает вопрос о специфических «зоонимических» суффиксах. По мнению Н. Г. Рядченко, такими суффиксами являются *-ан, -ун, -уна, -уха, -уша*. Однако все эти суффиксы первично известны антропонимам, а суффикс *-ан* в настоящее время переживает в определенных речевых сферах второе рождение. По-видимому, было бы уместнее говорить о формировании русской зоонимии под воздействием антропонимии. Некоторые антропонимические явления как бы инерционно продолжают в зоонимии.

Перспективно изучение и самих зоонимов в ядерно-периферийном аспекте. Какие виды зоонимов окажутся в центре? Какие – на периферии? Каким в сравнении с другими языками предстанет русское зоонимическое поле?